

DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-2-277-288

ЛИТЕРАТУРНЫЙ БИЛИНГВИЗМ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Г.Т. Хухуни

Московский государственный областной университет
Российская Федерация, 105005, Москва, ул. Радио, 10а

В статье рассматриваются вопросы, связанные с историей и современным состоянием билингвизма как феномена литературного творчества. Отмечается, что, хотя процессы глобализации, с которыми его нередко связывают в наши дни, действительно в значительной степени влияют на характер и отличительные черты данного явления, сам по себе он имеет весьма богатое прошлое и достаточно заметно проявлялся уже в античном мире. Естественно, что в каждую историческую эпоху литературный билингвизм обладал заметной спецификой, которая определялась соответствующим историко-культурным контекстом, зависящим от ряда факторов (лингвистических, литературных, политических, религиозных и др.). Внимание уделяется также вопросу о том, в какой степени можно говорить о сбалансированности применения двух языков в творческом процессе и может ли оно привести к языковому сдвигу.

Ключевые слова: литературный, билингвизм, творчество, глобализация, культура, исторический, языковой сдвиг

1. Введение

Среди широкого круга вопросов, связанных с проблематикой билингвизма в различных его проявлениях, одним из наиболее обсуждаемых и вместе с тем наиболее дискуссионных, несомненно, можно считать вопрос о том, как влияет указанное явление на литературное творчество, прежде всего в плане соотношения второго языка с языком родным и как такое влияние отражается на национальной (в широком смысле слова, т.е. обладающей этноязыковой спецификой) культуре. Как известно, по этому вопросу высказываются весьма различные, нередко полярно противоположные суждения. Отдельные аспекты названной проблемы были отчасти затронуты нами в ранее опубликованной статье, написанной в соавторстве с И.И. Валуицовой [1]. В настоящей статье, являющейся ее продолжением, основное внимание уделяется специфике проявления литературного билингвизма в различные исторические периоды и обуславливавшим его причинам, а также социолингвистической стороне изучаемого явления.

2. Обсуждение

Литературный билингвизм и процесс глобализации

Среди слов, получивших за последние десятилетия наиболее широкое распространение в наши дни, будь то в научной литературе, публицистике, СМИ, а в определенном отношении и в так называемом общенародном языке, одним из

наиболее частотных, несомненно, может быть признано слово «глобализация». Можно сказать, что оно стало яркой приметой «современного» дискурса в самых различных областях, хотя, как известно, пользовались им и деятели прошлого (среди которых называют и Карла Маркса). Не обошли его вниманием, естественно, и представители лингвистической науки, а по отношению к английскому эпитет «глобальный» применяется сейчас, пожалуй, гораздо чаще, чем традиционное выражение «язык Шекспира». Хотя любое действие рождает противодействие и слово «антиглобализм» также достаточно прочно укоренилось в нашем лексиконе, в целом с глобализмом все же связывают по большей части положительные коннотации — открытость для мира, неограниченный доступ к информации, многократно возросшую мобильность все большего числа людей, в общем, полную и окончательную реализацию всего того, о чем писали как о весьма прогрессивном явлении (хотя и с прямо противоположных по отношению к нынешним проповедникам глобализации идеологических позиций) небезызвестные классики небезызвестной теории еще в середине XIX столетия: «На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература» [2. С. 427—428].

Как известно, само понятие «мировая литература» (*Welt literatur*), связываемое обычно с именем И.В. Гёте, имеет отнюдь не марксистское происхождение и достаточно широко использовалось не только представителями «единственно верного» учения, а знаменитая фраза, сказанная им П. Эккерману, о том, что национальная литература сейчас мало что значит, на очереди эпоха всемирной литературы и каждый должен содействовать скорейшему ее наступлению (“*National literatur will jetzt nicht viel sagen; die Epoche der Welt literatur ist an der Zeit, und jeder muß jetzt dazu wirken, diese Epoche zu beschleunigen*”), давно уже вошла в фонд «крылатых слов». Однако в большинстве случаев при рассмотрении связанных с этим термином вопросов (собственно литературных, мировоззренческих, философских и т.п.), если можно так выразиться, «за скобки» выводилась его лингвистическая составляющая — каким образом литературное произведение, созданное на конкретном («национальном» в широком смысле слова) языке должно стать достоянием этой «мировой» литературы?

Собственно говоря, «по умолчанию» здесь, вероятно, подразумевались два процесса, имевших место с самого начала культурного обмена между народами: с одной стороны, развитие переводческой деятельности, с другой — изучение чужих языков (последнее, кстати, тоже не осталось без внимания Гёте, которому принадлежит еще более популярное изречение о том, что тот, кто не знает иностранных языков, не знает ничего о своем собственном (“*Wer fremde Sprachen nicht kennt, weiß nichts von seiner eigenen*”). Однако ограниченность обоих путей очевидна.

Обеспечить перевод (причем перевод *художественный*) «со всех языков на все» в обозримом будущем явно недостижимо — даже когда речь идет не о «мировой

литературе», а о многоязычном государстве с различными литературными традициями. Здесь можно вспомнить, что высказанное в 1930-е годы А.М. Горьким в письме к Г. Мамедли и часто цитировавшееся в советские годы утверждение: «Идеально было бы, если бы каждое произведение каждой народности, входящей в Союз, переводилось бы на языки всех других народностей Союза... Вот идеал, вот цель наша, вот куда мы должны стремиться», несмотря на весьма немалые возможности, в том числе и материально-административные, которыми располагал его автор, так и осталось благим пожеланием, причем, что весьма характерно, сам писатель, переходя от «идеальной» стороны вопроса к практической, ставил перед своим азербайджанским корреспондентом гораздо более скромную задачу: «...материал Ваш необходимо перевести на русский язык и напечатать по-русски... Значит: организуйте хорошие переводы на русский язык, привлекая к этому делу наиболее талантливых поэтов русских» [3]. Как известно, в дальнейшем именно таким путем в подавляющем большинстве случаев и осуществлялось знакомство «народностей Союза» с творчеством друг друга, причем там, где надо было «организовывать русских поэтов» (а порой и переводчиков художественной прозы), посредниками (в качестве составителей подстрочников) оказывались опять-таки билингвы из числа упомянутых «народностей».

Ограниченность второго пути также очевидна, о чем, кстати, писал в известном сборнике «Принципы художественного перевода», с которого принято отсчитывать послереволюционную историю отечественной теории перевода, Ф.Д. Батюшков: «Всех языков знать нельзя, а поверхностное знакомство с иностранным языком... не вводит нас в понимание его сущности. Отсюда можно вывести другое положение, что лучше пользоваться хорошим переводом, чем читать произведения иностранной литературы в подлиннике при несовершенном знании чужого языка» [4. С. 11].

Таким образом, реально процесс вхождения представителей «национальных» литератур в «мировую» протекал либо благодаря переводу на соответствующий «мировой» язык, либо благодаря авторскому билингвизму. Своего рода промежуточным путем, вероятно, можно считать автоперевод с «национального» языка на «мировой». Но если в первом случае монополия родного языка в творческом процессе под сомнение не ставится, то во втором дело обстоит принципиально иначе.

Собственно говоря, именно такой путь вполне логично укладывается в то, что можно назвать «идеалом языкового глобализма». И в плане творчества *научного* можно с полным основанием говорить о его реализации — публикация научных трудов на «глобальном» языке провозглашается приоритетной даже там, где существует давняя и известная традиция использования в данной сфере своего языка. Достаточно привести в этой связи состоявшуюся несколько лет назад задачу «Немецкой волны» под характерным заглавием: «Немецкий язык в науке: Золушка, мечтающая снова стать принцессой», авторы которой констатируют: «Канули в Лету времена, когда немецкий язык, язык Гёте, Канта и Гумбольдта был ведущим в мировой науке. Сегодня его место прочно занял английский... Один процент — такова доля естественнонаучных публикаций на немецком язы-

ке в мире. Это несоизмеримо с той ролью, которую Германия играет в мировой науке... в немецких университетах все чаще слышна английская речь — на лекциях, семинарах, среди студентов и научных сотрудников. Почти 600 специальностей в вузах Германии частично или полностью преподаются на английском языке. До абсурда ситуация доходит, когда ученые в Германии проводят конференции или читают лекции на посредственном или скверном английском, даже когда вся аудитория говорит на немецком». Любопытно, что в данном вопросе мы наблюдаем редкий случай, когда нашим зарубежным коллегам ситуация в России представляется более предпочтительной: «Количество научных публикаций на русском также уменьшается, но ученые в России по-прежнему общаются между собой на родном языке. В этом основное отличие...» [5].

Впрочем, судя по тем тенденциям, которые наблюдаются в нашей стране, подобный тренд будет усиливаться и в ней, что также соответствует концепции «глобального языка». Как заметил в свое время один из наиболее известных ее представителей, поскольку студентам придется в будущем постоянно пользоваться научными публикациями на английском, то целесообразно и соответствующие курсы вести на нем, дабы лучше подготовить их к такого рода деятельности: “If most students are going to encounter English routinely in their monographs and periodicals, It is suggested — an argument which is particularly cogent in relations to the sciences — then it makes sense to teach advanced courses in that language, to better prepare them for that encounter” [6. P. 112], тем более, что тезис: «Наука по самой своей природе интернациональна, и для нее наличие, наряду с национальными языками, единого языка, служащего целям международного общения, является могучим благотворным фактором» [7. С. 17], — возник задолго до концепции «глобального языка» и никем, как правило, под сомнение не ставился (хотя объективности ради можно было вспомнить, что в XIX — первой половине XX столетия, когда в Германии, Англии или России именно национальные языки были основным средством преподавания в высшей школе и изложения научных достижений, а посредническую миссию выполняли главным образом переводы или автопереводы, прогресс науки вряд ли был меньшим, чем в средневековой Европе, где такого рода «глобальным» языком являлся латинский, к которому и относится приведенная цитата).

С собственно *литературным* творчеством дело, разумеется, обстоит несколько по-иному — всерьез вопрос о его лингвистической «глобализации» пока что в большинстве случаев как будто не ставится, однако билингвизация последнего во многих случаях представляет собой несомненный факт, о чем свидетельствует все более увеличивающееся количество работ, посвященных данному феномену. А один из наиболее часто называемых в этой связи писателей — Иосиф Бродский, отмечавший, что для него «абсолютно естественно быть русским поэтом и писать эссе по-английски» и на вопрос, не стремится ли он стать двуязычным поэтом, ответивший: «Вы знаете, нет. Эта амбиция у меня совершенно отсутствует, хотя я вполне в состоянии сочинять весьма приличные стихи по-английски», — вместе с тем признавал: «Однако я вполне допускаю, что кто-то на моем месте мог быть и тем и другим, т.е. сочинять стихи и по-английски и по-русски. Более того, я думаю, что это и произойдет в конечном счете, если мы говорим о будущем.

Вполне возможно, что через 20—30 лет просто появятся люди, для которых это будет вполне естественным. Я, например, знаю ряд литераторов в Европе — немецких и итальянских, которые, когда это им больше нравится, начинают писать стихи по-английски» [8].

В приведенной цитате подчеркивается именно субъективный фактор литературного билингвизма («когда это им больше нравится»). Однако, как хорошо известно, на литературный билингвизм самым существенным, а порой и решающим образом могут повлиять и факторы объективного порядка. Не говоря уже о действии самого факта эмиграции по отношению и к самому И. Бродскому, и к В. Набокову, и к Дж. Конраду, вероятно, не случайно и то обстоятельство, что И. Бродский говорит о «ряде» авторов, использующих, помимо родного, английский, но обратные примеры, если они и имеются, гораздо менее часты, хотя до превращения английского в «глобальный» язык Оскар Уайльд счел вполне возможным написать одну из своих пьес («Саломею») на французском.

Рассматриваемый вопрос имеет и другую сторону. Понятно, что для проявления литературного билингвизма в качестве культурного феномена необходимо, во-первых, само наличие билингвальных авторов, способных создавать литературные произведения на двух языках, и, во-вторых, той аудитории, для которой подобное творчество предназначается. Указанный момент, кстати, требует — о чем нам уже доводилось писать — разграничения понятий «билингвизм автора/писателя» и «авторский/писательский билингвизм». Возвращаясь к упомянутому выше интервью И. Бродского можно вспомнить еще один фрагмент: «в истории русской литературы не так уж легко найти пример, когда бы писатель был литератором в двух культурах, но двуязычие — это норма, вполне реальная норма... Пушкин, Тургенев, два языка — это норма» [8].

Однако, как известно, французские стихи Пушкина так и остались литературными упражнениями (как заметил в этом же интервью И. Бродский, «он не стал известен как французский поэт, но как автор писем он был ничуть не хуже своих французских современников» [8]), а И.С. Тургенев вообще был решительным противником литературного билингвизма, подчеркивая: «Быть в состоянии писать, сочинять, на двух языках и не иметь никакой оригинальности — эти два выражения в моих глазах совершенно тождественные... я никогда ни разу не писал (в литературном смысле слова) иначе, как на своем родном языке, уже с ним одним дай бог человеку справиться — и мне это, к сожалению, не всегда удавалось» [9]. Вероятно, при всей «офрануженности» русского образованного (по преимуществу дворянского) общества позапрошлого столетия и присущего значительной его части преклонения перед французской культурой, *свою* большинство его представителей все-таки предпочитало иметь на родном языке... Впрочем, сам И. Бродский, комментируя одно высказывание о себе, автор которого утверждал, что «писателем можно быть только на одном родном языке», отозвался о нем весьма негативно: «Это утверждение вздорное, т.е. не вздорное, а чрезвычайно, как бы сказать, епархиальное, я бы сказал, местечковое» [8].

Приведенные примеры еще раз напоминают, что, хотя пресловутая «глобализация» действительно может выступать в качестве своего рода катализатора, активизирующего распространение литературного билингвизма, само это явление

имеет весьма богатое прошлое. В связи с этим, на наш взгляд, если рассматривать данную проблему в масштабах всемирной литературы, то тезис, высказываемый в некоторых работах по так называемому национально-русскому писательскому двуязычию, согласно которому «художественный билингвизм можно считать новой особенностью межкультурной коммуникации» [10], потребует некоторого уточнения.

Литературный билингвизм: об одной историко-культурной параллели

Вероятно, в той или иной степени интересующее нас явление могло быть присуще любой цивилизации, контактировавшей с другими этноязыковыми коллективами. Однако для европейской культуры разговор о нем целесообразно начинать с того периода истории Древнего Рима, когда его обитатели пришли в тесное соприкосновение с культурой греческой, оказавшись под сильным влиянием последней, в результате чего, как выразился позднее Гораций, побежденная Греция пленила дикого победителя и внесла искусства в сельский Лаций (*Graecia capta ferum victorem cepit, et artes intulit agresti Latio*), причем в лингвистическом отношении это «пленение» могло проявляться не только в достаточно интенсивной переводческой деятельности (как известно, само возникновение латинской литературы началось с перевода «Одиссеи» Гомера, выполненной, кстати, греком по происхождению Ливием Андроником), но и в использовании греческого в качестве средства создания оригинальных произведений (от первых римских анналистов до Клавдия Элиана и Марка Аврелия).

Анализируя такого рода проявления литературного билингвизма в весьма патристичном по духу римском обществе, С.И. Соболевский писал: «Древние анналисты... писали по-гречески. Какая причина этого, нам неизвестно; в науке было выставлено несколько гипотез. Причину видят в том, что латинский язык того времени не был достаточно выработан для прозаических сочинений... Эта гипотеза едва ли верна. Во-первых... изложение этих анналистов было сухое, мало отличавшееся от летописи понтифика; а если в летописи прозаический латинский язык оказывался достаточным для описания упоминаемых там событий (войны, небесные явления, цены на хлеб), то, значит, все нужные для этого термины были уже выработаны, и их было бы достаточно и для краткого изложения анналистов. Во-вторых, на латинском языке писались фамильные хроники, которые также имели историческое содержание. Затем, в комедии — у Плавта и Теренция — мы видим прекрасный язык, вполне пригодный для выражения всякого рода мыслей; а между тем, язык комедии в сущности ничем не отличается от прозаического языка, кроме как стихотворным размером. Поэтому более вероятным надо считать предположение, что первые анналисты пользовались греческим языком потому, что в то время он был модным языком тогдашнего образованного общества, для которого главным образом и предназначали свои сочинения анналисты.

Эту цель, вероятно, преследовали и римские писатели более позднего времени, когда латинский язык был уже вполне выработан: сам Цицерон написал по-гречески историю своего консульства... На эту же цель косвенным образом указывает тот факт, что анналист Авл Постумий Альбин, написавший свою историю

по-гречески, извиняется перед читателями за свое плохое знание греческого языка... Если он по-гречески писал плохо, то не проще ли было написать плохо по-латыни? Значит, была какая-то причина писать по-гречески, хотя и плохо» [11. С. 121]. Добавим к сказанному, что, помимо «модности», определенную роль — как, вероятно, в случае с теми европейскими поэтами, о которых упоминал в своем интервью И. Бродский, — могло сыграть и соображение, высказанное Цицероном в известной речи «В защиту поэта Архия», где он отмечал, насколько ошибаются те, кто предполагает, будто произведения, написанные по-гречески, приносят меньшую славу, чем латинские сочинения: по-гречески читают почти все народы, тогда как латинский замкнут в своих достаточно тесных пределах (*Graeca leguntur in omnibus fere gentibus, Latina suis finibus, exiguis sane, continentur*).

С другой стороны, ситуация с греческим языком в Риме в интересующем нас отношении имеет определенное сходство с той, которая характеризовала употребление французского языка в России. И там, и тут был широко распространен *билингвизм авторов*, наблюдался — как у того же Цицерона — и *авторский билингвизм*, но в обоих случаях чужой язык (в отличие, скажем, от английского в Индии) не стал по-настоящему подлинным средством выражения своей культуры. Да и вызывало подобного рода «грекофильство» (как и галломания в России) отнюдь не только положительные эмоции — известен ответ знаменитого Марка Порция Катона на приведенные выше извинения его современника за плохой греческий язык своей работы («Ты, Авл, большой шутник, коли предпочитаешь извиняться в ошибке, чем избежать ее»).

Литературный билингвизм: от мертвого к живому

Своеобразным видом литературного билингвизма, на наш взгляд, можно считать случаи, когда процесс творчества осуществляется в паре «мертвый» (т.е. не являющийся в данный период родным для какого-либо коллектива, однако доминирующий в качестве культурного средства) — «живой» (родной для автора, но не обладающий пока полностью сформировавшейся литературной традицией) язык. Наиболее известным примером такого рода, несомненно, можно считать латинско-«вульгарное» двуязычие Средневековья и Возрождения, причем выбор того или иного языка становился предметом ожесточенной полемики, поскольку на стороне первого был универсализм международного языка (в европейском масштабе, если можно так выразиться, предшественника «глобального»), на стороне вторых — понятность и доступность для массы людей, «поскольку доступ к латинской образованности был доступен далеко не всем» [12. С. 237] (как известно, не знающих латыни именовали весьма обидным с точки зрения современного человека словом *idiotae*).

«Защита и прославление» родного языка (если воспользоваться названием известного трактата Жоашена дю Белле) не вела — во всяком случае, на первых порах — к прекращению *билингвизма авторов* (знание латыни оставалось еще несколько столетий неременной принадлежностью образованного европейца), но на *авторском билингвизме* оно, безусловно, не могло не сказаться: «наступле-

ние» одного приводило к «отступлению» другого. При этом весьма важную роль сыграло движение Реформации: апеллируя к массе, ее представители неизбежно должны были все в большей степени пользоваться языком, понятным для нее. Названную тенденцию в свое время весьма ярко выразил Ульрих фон Гуттен, объясняя причины перехода от латыни к немецкому — первая, на которой он первоначально создавал свои произведения, известна далеко не всем, второй же позволяет «взывать к отечеству» на доступном всем его родном языке:

Latein ich vor geschrieben hab
Das war eim jeden nie bekannt.
Jetzt schrei ich an das Vaterland
Deutsch Nation in ihrer Sprach
Zu bringen diesen Dingen Rach [13. S. 269].

Результат этой борьбы известен: литературный билингвизм отнюдь не перестал существовать и даже, как мы видели выше, получил гораздо больший размах, но латынь как его компонент практически сошла с исторической арены — может быть, еще и потому, что, будучи *своей* для каждого образованного человека, она не была *родной* ни для одного коллектива...

С другой стороны, возможны и случаи, когда считающийся «мертвым» язык, тем не менее, в полном смысле слова воспринимается как важнейший компонент этнокультурной и религиозной идентичности. С этой точки зрения, на наш взгляд, заслуживает внимания творчество еврейских писателей XIX — начала XX века, создававших литературные произведения как на иврите, так и на идише (Менделе Мойхер-Сфорим, Ицхок Лейбуш Перец, Шолом-Алейхем и др.). В лингвистическом отношении, как известно, эти языки принадлежат к различным семьям, но оба представляют собой неотъемлемую принадлежность именно еврейской культуры. Однако и в данном случае, как это имело место и в оппозиции латынь — «вульгарный» язык, выбирать приходилось между *универсальным* для иудаизма, но не очень понятным для массы европейских евреев древнелитературным и *народным* (но являвшемся таковым именно для евреев-ашкенази) языком германской группы. И здесь доминирующим в указанный период стал последний, однако в дальнейшем судьбу этой разновидности литературного билингвизма определили моменты отнюдь не литературного характера. Иврит стал в полном смысле живым государственным языком Израиля, тогда как число носителей идиша после известных трагических событий резко сократилось, а большинство европейских евреев перешло на языки стран своего проживания. Известна шутка о том, что если сто лет назад бытовала пословица, согласно которой Бог говорит по будням на идише, а по субботам — на иврите, то сейчас дело обстоит с точностью до наоборот.

Литературный билингвизм: сбалансированность или языковой сдвиг?

Поскольку литературный билингвизм является специфическим проявлением феномена дву-, многоязычия в целом, для отношения к нему многих исследователей можно считать показательной точку зрения уже цитировавшегося выше

Д. Кристала, неоднократно подчеркивавшего необходимость гармоничного существования в различных сферах национальных языков, с одной стороны, и «всемирного» — с другой (впрочем, вместо последнего можно подставить и любой другой, выполняющий аналогичную функцию в региональном масштабе): “I believe in the fundamental value of multilingualism, as an amazing world resource which presents us with different perspectives and insights, and thus enables us to reach a more profound understanding of the nature of the human mind and spirit. In my ideal world, everyone would be at least bi-lingual... I believe in the fundamental value of a common language, as an amazing world resource which presents us with unprecedented possibilities of mutual understanding, and thus enables us to find fresh opportunities for international cooperation. In my ideal world, everyone would have fluent command of a single world language” [6. P. 13].

Вероятно, против сказанного — опять-таки, когда речь идет об «идеальном мире», — возражать не приходится. Однако в мире реальном, к сожалению, дело обстоит не так просто. Говоря о благах двуязычия, автор приведенных выше слов ссылается на пример родного Уэльса, где сосуществование бок о бок английского и валлийского дает возможность каждодневно оценить те преимущества, которые приносит возможность принадлежать сразу к двум культурам: I myself live in a community where two languages — Welsh and English — exist side by side, and I have cause to reflect every day on the benefit which come from being part of two cultures” [6. P. 13]. То, что носители валлийского языка действительно должны «быть частью двух культур», т.е. являться билингвами, — факт бесспорный; однако уважаемый ученый не упоминает, в каком масштабе таковыми являются в Великобритании носители английского языка как родного/первого. Если же перейти непосредственно к билингвизму литературному, то нельзя не заметить, что «национальных» писателей, создающих свои творения на двух языках, вероятно, больше, чем англичан или русских, использующих в своей деятельности языки «национальные» (ср. приведенные выше слова И. Бродского об итальянских и немецких поэтах, пишущих по-английски).

Таким образом, вопрос о том, насколько литературное двуязычие является сбалансированным, представляется неоднозначным. Кроме того, приходится принимать во внимание и моменты, так сказать, прагматического характера. В упомянутом интервью И. Бродский отмечал: «Я начал сочинять свои эссе по-английски исключительно по соображениям практическим, потому что эссе, рецензия или, скажем, статья заказывается тебе журналом. Конечно, ее можно написать по-русски, потом перевести на английский, но это занимает гораздо больше времени» [8]. Поскольку любой писатель, помимо прочего, заинтересован в максимальном расширении читательской аудитории, то — при способности создавать литературные произведения на двух языках — не придет ли он в конечном итоге от двуязычия к одноязычию, т.е. к переходу на более распространенный язык, иными словами, к тому, что в социолингвистике именуется языковым сдвигом? Разумеется, такой переход — неотъемлемое право любого автора, но насколько благотворно скажется он на функционировании и развитии языка данного этноса, особенно если этот язык обладает ограниченными сферами применения?

3. Заключение

Сам по себе литературный билингвизм представляет собой весьма сложный феномен, конкретные проявления и причины которого весьма разнообразны. Представляется несомненным, что в современном «глобализованном» мире наблюдается тенденция к его дальнейшему развитию (причем преобладать в качестве одного из компонентов будет, вероятно, опять-таки «глобальный» язык, что отнюдь не исключает и других его разновидностей — прежде всего в многонациональных государствах). Вместе с тем не приходится отрицать и наличие в рассматриваемом процессе определенных проблем, что требует более глубокого его изучения применительно к различным регионам и культурам.

© Хухуни Г.Т., 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Валуицева И.И., Хухуни Г.Т.* Литературный билингвизм: за и против // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2015. № 5. С. 298—303.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии. Сочинения. Т. 4. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.
3. *Горький М.* [Письмо] Г. Мамедли. URL: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/pisma/pismo-1138.htm> (дата обращения: 10.11.2017).
4. *Батюшков Ф.Д.* Задачи художественных переводов // Принципы художественного перевода. Статьи Ф.Д. Батюшкова, Н. Гумилёва, К. Чуковского. 2-е изд. доп. СПб.: Госиздат, 1920. С. 7—15.
5. Немецкий язык в науке: Золушка, мечтающая снова стать принцессой // DW 17.11.2011. URL: <http://www.dw.com/ru/немецкий-язык-в-науке-золушка-мечтающая-снова-стать-принцессой/a-15536118> (дата обращения: 13.11.2017).
6. *Crystal D.* English as a Global Language. Second Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. XV + 212 p.
7. *Боровский Я.М., Болдырев А.В.* Краткая история латинского языка: учебник латинского языка для гуманитарных факультетов университетов. М.: Высшая школа, 1975.
8. *Глэд Дж.* Беседы в изгнании. Иосиф Бродский. URL: <https://biography.wikireading.ru/195061> (дата обращения: 13.11.2017).
9. *Тургенев И.С.* Письмо в редакцию «Нашего века». URL: http://gumfak.ru/otech_html/turgenev/kritika/062-25.html (дата обращения: 14.11.2017).
10. *Цаликова А.М.* Художественный билингвизм как посредник двух культур. URL: <https://refdb.ru/look/1971915-p8.html> (дата обращения: 13.11.2017).
11. *Соболевский С.И., Грабарь-Пассек М.Е., Петровский А.Ф.* История римской литературы. Т. I. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959.
12. *Степанова Л.Г.* Итальянская лингвистическая мысль XIV—XVI веков (от Данте до позднего Возрождения). СПб.: Издательство РХГИ, 2000.
13. *Flake O.* Ulrich von Hutten. Berlin: Buchverlag Der Morgen, 1983.

История статьи:

Поступила в редакцию: 02.12.2018

Принята к публикации: 14.02.2018

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Хухуни Г.Т. Литературный билингвизм: прошлое и настоящее // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2018. Т. 15. № 2. С. 277–288. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-2-277-288

Сведения об авторе:

Хухуни Георгий Теймуразович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета. E-mail: khukhuni@mail.ru

LITERARY BILINGUALISM: PAST AND PRESENT

G. T. Khukhuni

Moscow State Region University
Radio str. Bd. 10 a, Moscow, Russian Federation, 105005

The paper deals with some aspects related to the history and present state of bilingualism as the phenomenon of literary creation. Nowadays it is often connected with the process of globalization. The latter really has a great influence on the said phenomenon. But at the same time, it has quite a rich history and was already known in antiquity. Naturally, in each period literary bilingualism is characterized with specific features, defined by the historical and cultural context. This context in its turn depends on different factor (linguistic, political, religious, etc.). One of the problems of literary bilingualism is also the question of the balance between the use of two languages, especially of its probable role as the stimulant of the process known in sociolinguistics as the language shift.

Key words: literary bilingualism, creativity, globalization, culture, history, language shift

REFERENCES

1. Valuitseva, I.I., and G.T. Khukhuni. 2015. "Literaturnyj bilingvizm: za i protiv" [Literary Bilingualism: Pro and Contra]. *Vestnik RUDN. Voprosy obrazovaniya: jazyki i special'nost'*. 5: 298–303. Print. (in Russ.)
2. Marks, K., and F. Engels. 1955. *Manifest kommunisticheskoj partii* [Manifesto of the Communist Party] in *Sochinenija*. T. 4. 2-e izd. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury. Print. (in Russ.)
3. Gor'kij, M. [Pis'mo] G. Mamedli [Letter to G. Mamedli]. Web. URL: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/pisma/pismo-1138.htm> (accessed: 11.11.2017).
4. Batjushkov, F.D. 1920. "Zadachi hudozhestvennyh perevodov" [The Tasks of Literary Translations] in *Principy hudozhestvennogo perevoda*. Stat'i F.D. Batjushkova, N. Gumileva, K. Chukovskogo. St. Petersburg: Gosizdat. Print. (in Russ.)
5. Nemeckij jazyk v nauke: Zolushka, mechtajushhaja snova stat' princessoj [German in Science: Cinderella Dreaming to Become Princess Again]. DW 17.11.2011. Web. URL: <http://www.dw.com/ru/nemeckij-jazyk-v-nauke-zolushka-mechtajushhaja-snova-stat'-princessoj/a-15536118> (accessed: 13.11.2017).
6. Crystal, D. 2010. *English as a Global Language*. Second Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Print.
7. Borovskij, Ja.M. 1975. *Kratkaja istorija latinskogo jazyka* [A Brief History of Latin]. Moscow: Vysshaja shkola. Print. (in Russ.)

8. Glad, J. Besedy v izgnanii. Iosif Brodskij [Conversations in Exile. Joseph Brodsky]. Web. URL: <https://biography.wikireading.ru/195061> (accessed: 13.11.2017).
9. Turgenev, I.S. Pis'mo v redakciju «Nashego veka» [Letter to the Editorial Board of “Our Century” Journal]. Web. URL: http://gumfak.ru/otech_html/turgenev/kritika/062-25.html (accessed: 13.11.2017).
10. Calikova, A.M. 2017. “Hudozhestvennyj bilingvizm kak posrednik dvuh kul'tur [Literary Bilingualism as a Mediator of Two Cultures”. Web. URL: <https://refdb.ru/look/1971915-p8.html> (accessed: 13.11.2017).
11. Sobolevskij, S.I., M.E. Grabar'-Passek, and Petrovskij A.F. 1959. Istorija rimskoj literatury [History of Roman Literature]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. Print. (in Russ.)
12. Stepanova, L.G. 2000. Italian Linguistic Thought of the 14–15th Centuries (from Dante to the Late Renaissance). Saint Peterburg, RKhGI. Print. (in Russ.)
13. Flake, O. 1983. Ulrich von Hutten. Berlin: Buchverlag Der Morgen. Print. (in Ger.)

Article history:

Received: 02.12.2018

Accepted: 14.02.2018

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

Forcitation:

Khukhuni, G.T. 2018. “Literary Bilingualism: Past and Present”. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 15 (2), 277–288. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-2-277-288

Bio Note:

Khukhuni Georgiy Teimurazovich, is a Doctor in Philology, Professor, Head of the Department of Theory of Language and Anglistics of Moscow State Regional University. *E-mail*: khukhuni@mail.ru